

Андрей Минаков

Российская революция и армия: продолжение разговора*

Andrey Minakov

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

The Russian Revolution and the Russian Army: Continuing the Conversation

DOI: 10.31857/S0869568722030190, EDN: FYDNZX

Рязанские историки И.Н. Гребенкин и А.С. Романика написали книгу с интригующим названием «Революционная Россия и военный вопрос». Действительно, сопоставление этих понятий привлекательно для историков, пытающихся разобраться в общественно-политических процессах в государстве, где «военный фактор» всегда был неотъемлемой частью системных кризисов власти. Особую

важность данная формулировка приобрела в середине XIX – начале XX в., когда русская армия как один из ключевых институтов самодержавия переживала заметную трансформацию. В книге охарактеризовано отношение российской оппозиции социалистического направления к военному вопросу, упомянуты её попытки вовлечь армию в антиправительственную деятельность. Это действительно важно

* Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М.: АИРО-XXI, 2021. 228 с. (Серия «АИРО – монография»).

для реконструкции политической атмосферы и динамики социальных процессов в предреволюционной России.

Первые разделы книги посвящены взглядам на армию А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, а также наследника их идей, крупнейшего теоретика отечественного утопического социализма Н.Г. Чернышевского. Авторы отмечают герценовский идеализм, заключавшийся в попытке развенчания среди военных образа «добротного царя». Будучи противниками насилия в решении общественных конфликтов, Герцен и Огарёв скептически оценивали возможность отказа от войн как средства разрешения международных проблем (с. 58–59). Чернышевский поместил в центр своей теории социальную справедливость. По его мнению, офицерская среда недостаточно просвещена для восприятия революционных идей. Возглавив официальный печатный орган военного ведомства — «Военный сборник», он постарался отчасти перенести свои идеи на практическую почву. Ему удалось привлечь к деятельности революционных кружков нескольких офицеров, в том числе и будущих лидеров польского освободительного движения С.И. Сераковского и В.-К. Калиновского. Однако начавшаяся эпоха Великих реформ изменила характер социалистического движения.

Поворотной вехой стали преобразования в военной сфере под руководством Д.А. Милютин, яркого представителя либерально настроенной бюрократии. В стане социалистической оппозиции, наоборот, не хватало лидеров, особенно после эмиграции и ссылки Герцена, Огарёва и Чернышевского. При этом, вместе с организационным и техническим обновлением армии, менялся и её социокультурный облик. За счёт модернизации системы военного образования дворянское офицерство стал размывать разночин-

ный элемент. Однако между офицерским корпусом и солдатскими массами сохранялся жёсткий социальный барьер, особенности которого могли варьироваться только в зависимости от полковых традиций. В этой связи стоит согласиться с Гребенкиным и Романовой, что невосприимчивость социалистических теорий переустройства страны была обусловлена в том числе чрезвычайной неоднородностью военной среды (с. 155).

Авторы отмечают живой отклик военных на либерализацию общественной жизни в 1860–1870-х гг. Приводя в пример Н.Н. Обручева, они пишут, что в России появился «новый тип передового офицера, разделявшего многие гуманистические и либерально-демократические воззрения в военном вопросе» (с. 95). Однако оппозиционные взгляды легко могли поставить крест на карьере офицера. Знакомство Обручева с социалистами (если таковое и имело место) не меняло его принципов и, по мнению О.Р. Айрапетова, носило апокрифичный характер¹. Действительно, среди образованной части офицерства того времени прослеживался интерес к альтернативным идеям политического обновления страны. Например, будущий герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И.В. Гурко с большим энтузиазмом проводил разъяснительную работу по крестьянской реформе в Самарской губ., за что даже удостоился комплимента с крайне левого фланга. Это стало сильным контрастом на фоне совпавшей по времени кровавой расправы над крестьянами села Бездна Казанской губ. «Стало можно без убийств успокаивать умы и убеждать не одними пулями»², — отмечал «Колокол». Впрочем, последующая служба Гурко, как и Обручева, была образцом верности присяге.

Не стоит вслед за авторами книги преувеличивать значение связей ге-

нералов с народниками (с. 151–152). К примеру, М.Д. Скобелев был яркой харизматичной личностью своего времени, которая вызывала неподдельный общественный интерес как справа, так и слева. Однако его политические взгляды имели яркую антигерманскую окраску. Подавляющая часть офицеров, а особенно генералитет, несомненно, оставалась на монархических позициях.

Существенной преградой революционной агитации были полковые офицерские собрания, однако их роль и влияние в книге не раскрыты. Между тем эти авторитетные организации жёстко контролировали служебные и внеслужебные взаимоотношения. Молодые офицеры, попадавшие с одобрения собрания в конкретный полк, очень дорожили принадлежностью к этой, своего рода, «касте». Потеряв доверие собрания и скомпрометировав себя политически, оставаться в полку было невозможно.

Особый интерес представляет раздел книги, посвящённый взглядам на военные вопросы идеологов российского народничества. Народники развивали мысли Герцена и Огарёва, пытаясь «разбудить» в солдатах «социалистические инстинкты». Но военная корпорация не воспринимала их радикализм, этому мешали «царистские» настроения в солдатской среде. Попадая туда, агитаторы разночинной интеллигенции встречали то же, что и во время «хождения в народ» — патриархальную ментальность, низкую политическую грамотность, страх перед начальством и переменами (с. 182–183).

Заключительные разделы книги посвящены взглядам на армию радикальных социалистических партий. Эсеры безуспешно попытались расширить за счёт военных свою социальную базу, зачисляли их в ряды противников и совершали на них по-

кушения. При этом авторы не совсем правы, говоря, что террор отпугивал «даже демократически настроенных военных» (с. 194). На самом деле романтика революционной борьбы привлекала и представителей офицерства, которые стремились попасть в Боевую организацию эсеров. К примеру, в 1902 г. одно из несостоявшихся покушений на К.П. Победоносцева, а потом и на В.К. Плеве должен был совершить слушатель Михайловской артиллерийской академии поручик Е.К. Григорьев. Он долгое время распространял в Академии агитационные материалы, надеясь на более ответственное поручение³.

Социал-демократы рассматривали военный вопрос сквозь призму классово-теоретической теории, относя солдатские массы, как рабочих и крестьян, к представителям эксплуатируемого народа, и надеялись на их поддержку. Они мечтали и о «собственной» военной структуре. Не случайно в одной из ключевых ленинских работ говорилось: «Как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьёзное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание “военных организаций”, входящих в нашу партию»⁴. Авторы показали, что полемика о характере борьбы в годы Первой русской революции усилила идейное размежевание большевиков и меньшевиков (с. 218–225).

В этой связи интересны рассуждения Гребенкина и Романики о моральном настрое действующей армии во время русско-японской войны. Опираясь на свидетельства некоторых современников, они пишут об отсутствии мотивации, слабой дисциплине, неуверенности и подавленном настроении. Всё это, по мнению авторов книги, стало катализатором по-

следующих выступлений военных во время революции 1905 г. (с. 236–242). Однако в то время встречались и другие мнения. Например, германский военный наблюдатель барон Э. фон Теттау отмечал, что после поражения у Тюренчена в апреле 1904 г. русская армия «не производила впечатления разбитого войска. Здесь впервые было замечено то, что впоследствии наблюдалось часто, а именно, что русский солдат скоро справляется с впечатлениями и влиянием поражений: он обладает способностью быстро оправляться от понесённого удара. Через неделю после потерянного сражения всё шло своим порядком, точно ничего не случилось»⁵. С ним согласился другой мемуарист, командир 11-го Псковского пехотного полка М.В. Грулёв: «Не прошло и несколько дней на новом месте расположения, как армия наша после отступления от Ляояна быстро оправилась... главным образом морально: она быстро забыла только что пережитое отступление от Ляояна и сама себе не поверила бы, что пережила катастрофу»⁶. Солдаты возвращались с фронта психологически раскрепощёнными, с пониженным порогом страха перед моральными барьерами. Без учёта этих факторов невозможно оценить степень воздействия революционной агитации на готовность бывших фронтовиков к радикальным действиям.

Представленная книга, несомненно, побуждает к новым размышлениям о месте армии в общественно-политической жизни предреволюционной России. Авторы показали, что для революционеров военные были очень неудобным партнёром. Ни агрессивная агитация, ни попытки вербовки среди солдат и офицеров, ни отдельные успешные попытки организовать вооружённые бунты не приближали левый лагерь к реальному контролю

над главным столпом имперской государственности. Отсутствие успехов в этом направлении левая оппозиция сублимировала в обесценивание военного фактора в существовании государства. Как верно отметили авторы рецензируемой монографии, «для наиболее радикальной части противников самодержавия военный престиж страны не представлял ценности и рассматривался в качестве допустимой цены за внутренние преобразования» (с. 119). Не случайно излюбленной антитезой левых движений по отношению к официальной идеологии было поражение.

В то же время военные круги оставались важнейшим звеном правительственной политики. С наступлением эпохи Великих реформ именно кадровое офицерство поддерживало курс на обновление страны. Для самодержавия армия являлась действенным репрессивным рычагом. Практика постоянного привлечения регулярных войск к подавлению антиправительственных выступлений стала яркой иллюстрацией политического портрета позднеимперской России⁷. Фактическая роль армии отчасти отражала деформацию имперской управленческой модели, неспособность власти держать под контролем внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Нужно отметить, что верхняя хронологическая граница книги обрывает её стержневую линию, заставляя читателя интуитивно разглядывать заявленную проблематику уже в контурах Первой мировой войны. Очевидно, что обстоятельный и объективный разговор о военном факторе следует вести с учётом всего комплекса реформ, всех войн и революций, приведших Россию в начале XX столетия к драматичным трансформациям государственного порядка и общественных отношений.

Примечания

¹ *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев. СПб., 1998. С. 78–86.

² «Колокол», газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: [В 11 вып.] Факсимильное изд. Вып. 4. М., 1962. С. 852.

³ *Степанов Ю.Г.* Обер-прокурор под прицелом // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 56.

⁴ *Ленин В.И.* Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. М., 1979. С. 129.

⁵ *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. СПб., 1907. С. 115.

⁶ *Грулёв М.В.* В Штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. Ч. 2. СПб., 1909. С. 3.

⁷ *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 33–35.